

Посвящается Вали Шайо и Грегорио Кохону

Всюду под нами разверста мрачная без-
дна, и преисподняя — лишь преддверие ее.
Натаниэль Готорн. Мраморный фавн

Призраки всегда алчны.
Р. Д. Джеймисон

ПРОЛОГ

НА ЮГ

— *Каким был твой самый дурной поступок?*

— *Я не скажу вам этого, но поведаю о худшем в моей жизни происшествии... о самом чудовищном...*

Он опасался возможных проблем при перевозе ребенка через канадскую границу и отправился на юг, избегая городов и пользуясь уединенными шоссе, — путешествуя, словно по параллельной стране. Однообразие так успокаивало и вдохновляло его, что за первый день удалось проехать двадцать часов кряду. Они подкреплялись в «Макдоналдсах» и придорожных закусочных: проголодавшись, он съезжал с автострады и катил по параллельной ей второстепенной дороге, зная, что делает крюк не более 15—20 миль. Затем он будил ребенка, и они вдвоем вгрызались в гамбургеры. Девочка никогда первой не заговаривала с ним, ограничивалась только просьбами о самом необходимом. Большую часть времени она спала. Он помнил, как в первую ночь номера его машины подсвечивались лампочками, и — потом оказалось, что это было ни к чему, — он съехал с автострады на неосвещенную дорогу, выкрутил лампоч-

ки и забросил их в поле, после чего, зачерпывая пригоршни грязи с обочины, замазал номера. Вытирая руки о штаны, он вернулся к машине и открыл дверь. Девочка спала сидя, выпрямившись в кресле, рот закрыт. Она казалась абсолютно спокойной, а он по-прежнему не знал, что с ней делать.

В Западной Вирджинии он вдруг очнулся как от толчка и понял, что на несколько секунд заснул за рулем.

— Сейчас съедем в сторонку и немного вздремнем,— сказал он. Девочка кивнула.

Он свернул с автострады за Кларксбургом и ехал по шоссе до тех пор, пока не увидел большой красно-белый вращающийся знак с надписью: «Пионер Вилледж». Лишь усилием воли ему удавалось держать глаза открытыми. И с рассудком творилось неладное: ему казалось, что в глазах стоят слезы и он вот-вот разрыдается. Зарулив на парковку у торгового центра, он направился к самому дальнему от въезда ряду и сдал назад, к проволочной изгороди. Позади находилось квадратное кирпичное здание фабрики по изготовлению пластиковых копий животных, которые устанавливали на грузовики «Голден Чикен». Асфальтированный двор был наполовину завален гигантскими пластмассовыми цыплятами и коровами. В самом центре возвышался громадный голубой бык. Уныло-белые некрашенные цыплята казались крупнее коров.

Впереди тянулся почти пустой ряд парковки, далее — песочного цвета здания торгового центра.

— Можно посмотреть больших цыплят? — спросила девочка.

Он отрицательно покачал головой:

— Из машины выходить не будем, просто поспим здесь.— Он закрыл все двери на замки и поднял стекла.

Под пристальным взглядом девочки нагнулся, нащупал под сиденьем веревку и велел: — Вытяни руки.

Почти улыбаясь, она протянула ему маленькие ручки со сжатыми кулачками. Он дважды обмотал веревкой запястья, затем связал ей лодыжки. Увидев, что остался запас веревки, он зажал ее свободный конец в одной руке, а другой грубо притянул девочку к себе. Затем обвязал ее и себя и, уже растянувшись на переднем сиденье, сделал последний узел.

Она лежала на нем, ее руки упирались ему в середину живота, голова покоилась у него на груди. Она легко и ровно дышала, будто знала заранее, что он ее привяжет. Часы на приборной панели показывали пять тридцать; становилось прохладнее. Он вытянул ноги, опустил голову на подлокотник и заснул под гудение транспорта.

Ему показалось, что проснулся он сразу же; лицо покрывал пот, и раздражал резкий запах сальных невымытых волос девочки. Уже стемнело; он проспал, наверное, несколько часов. Их так и не обнаружили — забавно было бы, если бы его нашли спящим на парковке торгового центра в Кларксбурге, Западная Вирджиния, в обнимку со связанной девочкой! Он зевнул, чуть отодвинулся от девочки и разбудил ее. Как и он сам, она мгновенно проснулась; затем отклонила назад голову и внимательно посмотрела на него. В ее взгляде не было страха — только напряженность. Он поспешно развязал узлы и вытащил из-под их тел веревку. Шею кольнуло, когда он выпрямился.

— Хочешь в туалет? — спросил он.

Она кивнула:

— Где?

— За машиной.

— Прямо здесь? На парковке?

— Ты слышала.

Ему снова показалось, что она слегка улыбнулась. Он взглянул на ее напряженное лицо, обрамленное темными волосами.

— Ты меняпустишь?

— Подержу за руку.

— Но ты не будешь подглядывать? — Впервые в ее словах прозвучала неуверенность.

Он покачал головой.

Она протянула руку, чтобы открыть дверь, но он снова покачал головой и твердо взял ее за запястье.

— Выйдешь с моей стороны, — велел он и выбрался наружу, все еще крепко сжимая тоненькое запястье. Она начала боком пролезать к двери — малышка семи-восьми лет с коротко остриженными темными волосами, в коротеньком розовом платьице. Прямо на босые ноги надеты голубые простроченные тенниски, стоптанные на каблучках. Совсем по-детски она сначала опустила на землю одну ногу, поерзала, затем опустила другую и выбралась из автомобиля.

Он обвел ее вокруг машины к проволочному забору фабрики. Девочка наклонила голову и взглянула на него исподлобья:

— Ты обещал мне. Не смотри.

— Не буду, — ответил он.

Он не стал смотреть — просто откинул голову назад, когда она согнулась, вынуждая его склониться вбок. Его взгляд скользил по гротескным пластмассовым животным за забором. Потом он услышал шуршание ткани и взглянул вниз. Она, насколько было возможно, вытянула левую руку и, задрав дешевое розовое платьице

до талии, тоже разглядывала пластиковых животных. Когда девочка привела себя в порядок, он отвел от нее взгляд. Она поднялась и теперь ждала, что он прикажет делать дальше. Он повел ее назад к машине.

— Чем ты зарабатываешь себе на жизнь? — спросила она.

От удивления он рассмеялся в голос: вот так светский вопрос!

— Ничем.

— А куда мы едем? Куда ты меня везешь?

Он открыл дверь и отступил в сторону, а она пролезла на свое место.

— Кое-куда, — ответил он. — Везу тебя в одно место.

Он сел за руль.

— Куда?

— Приедем — увидишь.

И снова они ехали всю ночь, и снова девочка почти все время спала, иногда просыпаясь, чтобы поглядеть в ветровое стекло (во сне она сидела в кресле очень прямо, словно кукла в розовом платье и синих теннисках) и задать ему странные вопросы.

— Ты полицейский? — спросила она его однажды, затем, увидев въездной знак: — А что такое Колумбия?

— Город.

— Как Нью-Йорк?

— Да.

— Как Кларксбург?

Он кивнул.

— Мы всегда будем спать в машине?

— Не всегда.

— Можно включить радио?

Он разрешил, и она потянулась вперед и нажала кнопку. Машина наполнилась помехами и двумя-тремя

одновременно говорящими голосами. Она нажала другую кнопку — тот же результат.

— Покрути настройку,— подсказал он.

Сосредоточенно нахмутив брови, девочка начала медленно вращать ручку настройки. Через мгновение она нашла чистый сигнал — пела Долли Партон.

— Вот это мне нравится,— заявила она.

Следующие четыре часа они ехали на юг под песни и ритмы кантри. Станции слабели, угасая и сменяя друг друга, чередовались голоса и акценты диск-жокеев, спонсоры соперничали друг с другом в перечнях страховых услуг, зубной пасты, мыла, пепси-колы, погребальных услуг, дешевых наручных часов, шампуня от перхоти... И лишь музыка оставалась неизменной: бесконечно повторялись истории, в которых женщины выходили замуж за фермеров и бродяг и оставались верны им до развода, а мужчины сидели в полных соблазнов барах и мечтали вернуться домой, и возвращались, и воссоединялись с бывшими женами, и снова с отвращением расходились, унося в душе тоску о детях...

Однажды он спросил ее:

— Ты когда-нибудь слышала о человеке по имени Эдвард Вандерлей?

Она не ответила, но изучающе взглянула на него.

— Так слышала?

— А кто это?

— Он был моим дядей,— сказал он, и девочка улыбнулась ему.

— А о человеке по имени Сирс Джеймс?

Она помотала головой, продолжая улыбаться.

— А о человеке по имени Рики Готорн?

Она снова покачала головой. Не было смысла продолжать. Он сам не знал, зачем задавал ей эти вопросы. Вполне возможно, что этих имен она никогда не слышала. Да конечно не слышала.

Как-то раз, еще в Южной Каролине, ему показалось, что патрульный полицейский увязался за ними: полицейский автомобиль шел позади в 20 ярдах, не меняя дистанции. Ему даже показалось, что полицейский говорит что-то по рации. Он сразу же сбросил скорость на пять миль и сменил ряд, но патрульная машина не обогнала его. Сердце его упало: он уже представлял себе, как полицейский обгоняет, включает сирену, приказывая прижаться к обочине. Потом начнутся вопросы. В этот час — около шести вечера — автострада была переполнена машинами: он чувствовал, что попал в ловушку: беспомощный, пассивный участник напряженного движения, уповающий на милость того, кто сидел в патрульной машине. Надо что-то придумать. Его просто влекло общим потоком к Чарльстону, миля за милюй по равнине, поросшей кустарником. Вдали виднелись группки убогих домов с остовами гаражей. Номера этой магистрали он не помнил. В зеркале заднего вида он увидел, как в хвосте нескончаемой вереницы машин, позади полицейского автомобиля, старый грузовик выпустил длинный столб черного дыма из похжей на печную выхлопной трубы рядом с двигателем. Он с ужасом представил, как полицейский заорет ему: «Выходи!» и как закричит высоким тонким голосом девочка: «Он заставил меня поехать с ним, он привязывает меня к себе, когда спит!» Южное солнце, казалось, атаковало его лицо, впилось в поры. Патрульная машина сменила ряд